

Научная статья / Research Article

УДК 316.344.2

DOI: 10.14258/SSI(2026)2–09

Институционально-матричный подход как потенциальный метанарратив культурно-исторической самобытности

Андрей Александрович Иванов

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия,
ivanovaa85@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4097-9447>

Аннотация. Статья посвящена характеристике классических и современных экономических подходов к понятию культурной самобытности. Объектом исследования является роль социальных институтов в формировании и динамике идентичности, а предметом исследования выступает система интеракций внутри институциональной матрицы как константа, определяющая зависимость от траектории предшествующего развития общества. Цель работы состоит в том, чтобы переосмыслить и дополнить основные положения теории институциональных матриц как потенциального метанарратива.

Посредством междисциплинарного анализа показаны достижения и недостатки как географического детерминизма, так и исторического институционализма в плане понимания механизмов трансмиссии ценностей и паттернов поведения в длительной временной протяженности. В статье определены особенности перехода от институционального интернализма к институциональному экстернализму в исследовательской литературе. Автор считает теорию институциональных матриц в приложении к историко-культурологическим исследованиям положительным примером «экономического империализма», позволяющим не только комплексно понять механизм появления черт самобытности, но и оценить возможные сценарии дальнейшего развития общества в условиях сосуществования разных социально-культурных систем. Одновременно показаны недостатки использования исключительно бинарных оппозиций в качестве характеристик X и Y матриц. Сделан вывод, что в современных условиях роста нестабильности и конфликтогенного потенциала системы международных отношений теоретически возможна конвергенция X и Y матриц. В статье уточняются отдельные положения институционально-матричного подхода, а также дается прогноз формирования перспективной Z-матрицы. Аргументируется тезис, что появление гибридной матрицы возможно из лиминальных культурных, политических и экономических элементов, а также нетрадиционных моделей устройства этих подсистем, альтернативных как Западу, так и Востоку.

Ключевые слова: институты, институциональные матрицы, идентичность, самобытность, ценности, культура, гибридизация, Z-матрица

Для цитирования: Иванов А. А. Институционально-матричный подход как потенциальный метанарратив культурно-исторической самобытности // Society and Security Insights. 2026. Т. 9, № 2. С. 165–179. doi: 10.14258/ssi(2026)2–09

The Institutional-Matrix Approach as a Potential Metanarrative of Cultural-Historical Originality

Andrey A. Ivanov

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia,
ivanovaa85@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4097-9447>

Abstract. The article is dedicated to the characteristics of classical and contemporary approaches to the concept of cultural originality. The aim of the study is to rethink and supplement the main provisions of the theory of institutional matrices as a potential metanarrative. Via interdisciplinary analysis, including historical and economic research methods, the achievements and limitations of both geographical determinism and historical institutionalism are shown in terms of understanding the mechanisms of transmission of patterns of behaviour over long-lasting periods. The author considers the theory of institutional matrices in its' application to historical-cultural studies to be a positive example of «economic imperialism», that allows not only to understand the mechanism of the emergence of distinctive features comprehensively, but also to evaluate possible scenarios for the further development of society in the situation of the coexistence of different socio-cultural systems. At the same time the disadvantages of using binary oppositions as characteristics of X and Y matrices are shown. It is concluded that in modern conditions of increasing instability and conflict potential of the system of international relations, the convergence of the X and Y matrices is theoretically possible. Thus, the article clarifies certain theses of the institutional-matrix approach and also provides a forecast for the formation of a promising Z-matrix. The author believes that a hybrid matrix can be constructed of liminal cultural, political, economic elements and unorthodox models of the structure of these subsystems, alternative both to the West and East.

Keywords: institutes, institutional matrices, identity, originality, values, culture, hybridization, Z-matrix

For citation: Ivanov, A. A. (2026). The Institutional-Matrix Approach as a Potential Metanarrative of Cultural-Historical Originality. *Society and Security Insights*, 9(2), 165–179. (In Russ.). doi: 10.14258/ssi(2026)2–09

Введение

Одним из наиболее дискуссионных вопросов для многих социально-гуманитарных наук на протяжении длительного времени остается проблема установления критериев, параметров и границ самобытности этнокультурных общностей, государств и государственно-территориальных образований. Традиционно главными лимитирующими факторами при решении этой задачи выступали многонациональный состав населения, кризисы преемственности поколений, а также реактивность форм поведения людей как под влиянием технологических, политических, демографических изменений, так и в ответ на климатические, эпидемиологические и иные вызовы. Иными словами, исследователям было достаточно сложно установить специфические особенности,

принципиально отличающие одно сообщество от другого, в условиях, когда поведенческие модели и социальные установки с течением времени претерпевали корректировку под влиянием эндогенных и экзогенных факторов. В последние десятилетия эта задача была усложнена интенсификацией культурной диффузии в мире, когда даже сообщества с относительно низким индексом этнолингвистической фракционализации на фоне глобальной информатизации сталкивались с угрозами своему культурному суверенитету. При этом становится все более очевидным, что повсеместное внедрение цифровых технологий и сервисов может способствовать усилению неравенства между странами в силу разности потенциалов позиционирования и продвижения результатов их культурного развития на внешней арене.

Общество не может демонстрировать полное единство вследствие внутренних антагонизмов и ролевых конфликтов, обусловленных неискоренимостью плюрализма ценностей, а также в силу влияния индивидуальной креативности или нонконформизма. Как следствие, определение и оценка степени самобытности того или иного сообщества в условиях динамичности этносоциальных процессов требует формулировки методологических подходов, способных не только объяснить, но и синтезировать константность и волатильность идентификационных характеристик.

В частности, необходимость решения данной задачи в конце XX в. развернуто сформулировал адепт постколониализма из Индии Х. Бхабха. В получившей широкую известность монографии «Местоположение культуры» философ аргументировал тезис, что нация, как правило, является не стабильным субъектом, а «темпоральным процессом» (Bhabha, 1994: 142). В его видении национальные образования практически всегда состоят из множества асимметрично взаимодействующих групп (языковых, возрастных, гендерных, профессиональных и т.д.), имеющих разные ценностные ориентации. При этом, будучи частью нации, такие группы не только сохраняют возможность себя артикулировать, но отдельные их достижения поочередно превращаются в ведущие маркеры идентификации и/или самоидентификации, как для других аналогичных групп, так и для общества в целом. Это объясняет разность во взглядах экспертов на сущностные особенности этнокультурных групп, когда, например, таковые черты российской нации Н.О. Лосский мог видеть в глубокой религиозности и доброте, М.А. Бакунин — в бунтарском духе, а Б.П. Вышеславцев — в скромности и самокритичности.

Вероятно, эта модель развития близка по смыслу апории «летающая стрела» Зенона Элейского, т.е. динамизм идентичности создает лишь видимость структурной неопределенности. В реальности национальное единство обладает способностью сохраняться даже в рамках анонии, поэтому перманентное обогащение, усложнение и реинтерпретация элементов культуры на самом деле происходит в соответствии со сложившимися принципами внутренней организации данного социума. Сложность такого понимания состоит в том, что протекание этих процессов во времени заставляет исследователей обращаться к поиску исходных детерминант, предопределивших вектор развития общества и структурно

ограничивавших переход от одних атрибутивных характеристик идентичности к другим. Иными словами, осознание исторической обусловленности политических, экономических и других различий между сообществами подразумевает наличие устойчивых каналов и инструментов воспроизводства этих уникальных черт. Собственно, нахождение таких констант и объяснение причин их сохранения и являлось на протяжении долгого времени основополагающей задачей для представителей самых разных исследовательских школ и направлений.

Исторический инвайроментализм

Так, одной из наиболее ранних научных версий в данной сфере стал «географический детерминизм», или «исторический инвайроментализм», т.е. идея о естественной обусловленности культурной самобытности — решающей роли климата, ландшафта, почв и природных ресурсов в формировании поведенческих паттернов. В связи с тем, что в доиндустриальную эпоху темпы эволюции природных условий было сложно оценить в динамике из-за отсутствия в распоряжении ученых необходимого массива данных наблюдений в этой области, гео-климатические факторы могли казаться относительно неизменным фоном социальных трансформаций.

К примеру, французские мыслители XVIII в. были склонны искать объяснение разности между народами в климатических особенностях среды их обитания. В частности, в работе «О духе законов» Ш.Л. де Монтескье связывал такие аспекты социальной организации, как форма правления, характер законов, тип производства, со средней температурой в стране. Если чрезмерная жара не только порождает праздность и «малодушие», подрывая «силы и бодрость людей», но и способствует установлению рабства, то умеренный климат помогает выработке «мужества» и «делает людей способными к действиям продолжительным, трудным, великим и отважным» (Montesquieu, 2001: 79, 246–247). Аналогично и французский натуралист Ж.-Л. Леклерк де Бюффон в книге «Естественная история, всеобщая и частная» называл в числе причин появления разных рас расселение людей по территориям с различными природными условиями, причем именно климатические ограничения, по его мнению, не позволили, например, североамериканским индейцам создать организованное общество (Buffon, 1750: 104–107). Выдвинутые французскими мыслителями тезисы в этот период поддерживали и ученые других стран — скажем, швейцарский исследователь К.В. фон Бонштеттен и шотландский философ А. Фергюссон.

В XIX в. в рамках общественно-политических дискуссий о степени соотношения европейской и национальной культуры в развитии Российской империи отечественные специалисты концентрировали внимание на иных сторонах географического детерминизма. Так, по мнению К.А. Ушинского, значительную роль в формировании основ менталитета играл ландшафт территории: равнинный, горный, болотистый, степной, пустынный. С другой стороны, а у С.М. Соловьева в «Истории России с древнейших времен» встречается интересный тезис о значимости использовавшихся в прошлом природных ресурсов, например

дерева и камня, в дифференциации этнокультурных сообществ. В его представлении каменные постройки, распространенные в Западной Европе, отличались большей долговечностью, в то время как в русских землях господствовало деревянное зодчество, поэтому здания были непрочными, а поселения регулярно страдали от пожаров. Это, в свою очередь, нивелировало психологические преграды для миграции: «отсюда с такою легкостью старинный русский человек покидал свой дом, свой родной город или село», а правительственные органы, напротив, направляли усилия на то, чтобы людей «ловить, усаживать и прикреплять» (Soloviev, 1980: 73–74).

Традиционно слабой стороной данного подхода являлось отсутствие однозначной трактовки механизмов воздействия условий внешней среды на когнитивные процессы. Определенное решение этой проблемы было предложено в начале XX в. швейцарским психоаналитиком К.Г. Юнгом через понятие «архетипа» — структурного элемента коллективного бессознательного. Одна из ключевых мыслей данного автора состояла в том, что индивиды в рамках общности наследуют предрасположенность к трактовке символов и явлений повседневной жизни, не проистекающую из личного опыта. Архетип, таким образом, носит неосознанный характер, и его включение в сферу сознания и культуру обусловлено рядом ситуаций дискомфорта, которые провоцируют субъекта на шаблонные поведенческие реакции: «При возникновении ситуации, соответствующей данному архетипу, он активизируется и появляется побуждение, которое, как и инстинктивное влечение, прокладывает себе путь вопреки всем доводам и воле» (Jung, 1981: 48). Поскольку разные сообщества переживали в своей истории несходные друг с другом кризисные ситуации (цунами, извержения, песчаные бури и т.д.), у этносов наблюдается культурное своеобразие, обусловленное наиболее актуальными для них архетипами. В таком ракурсе даже при изменении внешних условий воспроизведение поведенческих паттернов обеспечивается произведениями традиционной культуры, использованные в которых символы, сюжеты или специфические термины в юнгианской теории выступают и продуктом архетипов, и способом их трансляции на регулярно повторяющиеся ситуации социального взаимодействия.

Недостаток этого подхода заключается в том, что архетипы и архетипические образы, являясь частью бессознательного, с трудом могут быть верифицированы и для объективного и единого истолкования они практически недоступны. Скажем, часто встречающийся в мифологии образ ведьмы, поедающей детей или отравляющей главных героев, может быть интерпретирован как символ жестокой матери или мачехи (отравление выступает как противопоставление кормлению), так и в контексте символической смерти в ходе возрастной инициации. Или, к примеру, мост, который в фольклоре часто фигурирует в негативном плане, может, с одной стороны, символизировать рубеж, связанный с личностной трансформацией, а с другой стороны — переход в небытие. Это придает исследованиям исторической самобытности излишний субъективизм и наполняет их разного рода измышлениями. В целом же тезис о корреляции между

природно-климатическими процессами и генезисом социальных систем базируется на ограниченном видении моделей взаимодействия человека с окружающей средой, а именно — низведении индивидуальной и групповой активности до уровня лишь приспособления к природным условиям, хотя даже для доиндустриальных обществ данная схема далеко не всегда была актуальной.

Исторический институционализм

В XX — начале XXI в. одной из важнейших исследовательских тем для специалистов, связанных с изучением долгосрочных трендов общего и особенного в социально-культурном развитии, стало объяснение причин феномена, получившего название «Великая дивергенция». Этим понятием С. Хантингтон, К. Померанц и другие авторы обозначили усиление разрыва в темпах научно-технического и экономического прогресса, уровне жизни и политическом влиянии между передовыми странами западной цивилизации и остальным миром. Если до XIX в. европейские державы по многим показателям уступали и Китаю периода правления династий Хань или Мин, и Туантинсуу (государству инков), и Османской Империи, то со временем эти страны утратили былое могущество и даже попали под экономический или политический контроль колониальных систем Англии, Франции, Германии и т.д. При этом объяснение «возвышению Европы» с точки зрения исключительно финансово-экономических показателей, наличия особых природных ресурсов или раннего внедрения более передовых технологий может быть легко оспорено с опорой на исторические факты. Ведь европейские страны в сравнении с Южной Америкой, Юго-Восточной Азией или Австралией не могли похвастаться превосходством в области природных богатств, а достижения китайцев, арабов или индейцев в области математики, медицины и астрономии как минимум до XVI в. были более значительными. Соответственно причины «Великой дивергенции» могли лежать в области факторов организационно-нормативного характера: социальных, политических, культурных. Такое заключение заставило исследователей обратиться к изучению особенностей институциональной среды западноевропейских обществ для выявления потенциальных превосходств в правилах функционирования органов власти, вооруженных сил, учреждений образования, торговых корпораций и т.д.

Причина обращения именно к социальным институтам при решении данной научной задачи объясняется как минимум длительностью их существования — при изменяющемся с течением времени составе участников институты способны воспроизводить установленные внутренними нормами модели поведения, обеспечивая их регулярность. Поэтому минимизация издержек, эффективное распределение и защита прав собственности, качественный обмен информацией в рамках устойчивого сообщества могут быть достигнуты путем алгоритмизации поведения его членов через взаимное признание легитимности общеизвестных норм поведения. В свою очередь, следование этим нормам обеспечивается не только системой позитивных и негативных селективных стимулов, но и посредством определенной унификации черт мировоззрения участников за счет применения идеологических

инструментов. Так нормы и ценности институтов со временем трансформируются в личные нормы и ценности индивидов, с одной стороны — уникальные для каждого, а с другой — тесно связанные с системой ценностей данного общества. В совокупности эти особенности формируют возможность направленного (целевого) развития социума, придавая ему самобытный характер.

Важным дополнением к этому направлению мысли стал сформулированный на стыке гуманитарных и формальных наук синергетический подход к познанию истории, в рамках которого уникальность пути развития любого общества определялась комплексом совершенных его членами в прошлом институциональных выборов (Крючкова и др., 2003: 117). К таким вопросам могли относиться, например, определение государственной религии, формы правления или территориального устройства, правовой или налоговой системы, присоединения к международным союзам и т.д. Предпочтение одной из возможных альтернатив другим могло быть обусловлено факторами как объективного, так и субъективного свойства, а последствия подобных решений являлись для их акторов необратимыми и при этом с трудом прогнозируемыми. Тем самым избрание какого-либо вектора развития из ограниченного числа сценариев позволяло отделить одно общество от другого, в котором данный выбор был сделан в пользу иной стратегии. Следовательно, самобытность социума определялась либо существованием относительно уникальных институтов, не имеющих прямых аналогов за пределами страны, либо какими-то специфическими особенностями внутренней организации базовых институтов, но устроенных отличным от них образом — и эти вопросы устройства являлись результатом принятых в прошлом решений.

Важно, что каждое последующее решение такого рода ограничивало спектр вариантов дальнейшего развития, доступных стране, усиливая ее сравнительную уникальность. Поэтому «существующие политические и экономические институты, — как заметил Д. Аджемоглу, — создают основу, на которой будут выкованы будущие перемены» (Acemoglu & Robinson, 2012: 124–125) при возникновении новых точек бифуркации — этот эффект получил название зависимости от траектории предшествующего развития. С теоретической точки зрения кардинальной корректировке курса обычно препятствуют не только высокие единовременные издержки на реформирование сложившихся институтов, но и необходимость преодоления сопротивления консервативной части общества, связывающей свою идентичность именно с традиционными нормами, символами или идеологией данных объединений. Причем даже попытки их формальной ликвидации авторитарно-репрессивными методами могут оказаться безуспешными в том смысле, что институты имеют свойство продолжить существование в скрытой форме. К примеру, институт местничества даже после официальной отмены в конце XVII в. продолжал неформально определять порядок прохождения службы в вооруженных силах почти до момента распада Российской империи.

Тем не менее проблема соотношения традиций и новаций в развитии общественных отношений во многом зависит от спроса на изменения или стабильность со стороны граждан — и желание изменений может порой пересиливать

стремление к сохранению существующих порядков. С одной стороны, если при внедрении какой-либо новой технологии или модели поведения индивиду необходимо тратить время и усилия на ее освоение, а следование устоявшимся образцам не предполагает несение таких издержек, возникает спрос на блокировку институциональных инноваций. С другой стороны, рациональные ожидания потребителей от имплементации новшеств способны преодолевать действие этих преград, если ими прогнозируется кардинальное повышение уровня комфортности от модификации институциональной среды.

К тому же, как заметил Д. Норт, «затраты на поддержание существующего порядка находятся в обратном отношении к осознаваемой легитимности существующей системы» (North, 1981: 53). Это означает, что спрос на сохранение сложившегося устройства институтов зависит как от эффективности их функционирования, так и от особенностей восприятия образа этих организаций обычными людьми сквозь призму морально-этических категорий. Соответственно при отсутствии достаточной легитимности системы ее бенефициарам приходится либо использовать различные инструменты насилия, либо как-либо компенсировать издержки от совершения людьми условно «аморального» выбора предоставлением дополнительных благ. Оба сценария увеличивают издержки для элит, делая режим менее рентабельным, что создает предпосылки для перехода от одного уклада к другому. Следовательно, несмотря на высокую степень темпоральной устойчивости, социальные институты все же обладают свойством трансформации, внутреннего переустройства, поэтому способны обеспечивать трансляцию черт самобытности лишь частично.

Институциональные матрицы

На современном этапе развития научной мысли исследователи обратили внимание, что причины институциональных трансформаций часто могут быть обусловлены потребностью согласования норм и идеологий разных социальных институтов для обеспечения относительно единого вектора развития социума и предотвращения ролевых конфликтов на индивидуальном уровне. Тем самым функция по удовлетворению какой-либо потребности фрагментируется внутри комплекса организаций, действующих в разных сферах, что способствует формированию исторически устойчивой и обезличенной схемы структурных ограничений. Идеи такого рода можно встретить уже у М. Фуко, который считал, что отношения власти «впутаны в другие типы отношений» — они «могут проявляться в семейных отношениях, внутри учреждения или администрации» (Foucault, 1988: 38). Так что система господства и подчинения связана не только с общеизвестными социальными институтами, но и распределена между учреждениями, которые в обыденном представлении создавались с иной целью.

По мнению российского экономиста С. Г. Кирдиной-Чэндлер, со временем такие интегративные процессы приводят к складыванию институциональных матриц — систем базовых институтов, регулирующих взаимосвязанное функционирование ключевых сфер общественных отношений (политики, экономики,

идеологии). Предполагается, что исторически таких архетипических институциональных форм установилось две: Y-матрица связана с доминированием индивидуалистических ценностей, конкуренцией и частной собственностью, а критерием эффективности служит прибыль; в обществах, где сложилась X-матрица, какие-либо формы самоуправления считаются излишними, существует централизованный контроль за большинством социальных процессов, и интересы личности подчинены интересам локальной общности. Сформировавшиеся для реализации этих принципов институты не только доминируют над иными (альтернативными) структурными объединениями, но и находятся в тесной связи между собой, взаимно дополняя друг друга. Отсюда возникает инвариантность к внешним воздействиям и возможность воспроизводства институциональной матрицы, несмотря на социальные революции или вооруженные конфликты (Kirdina-Chandler, 2017).

Социальная система зависит не только от разнообразия содержания культуры, но больше от взаимосвязей между ее составляющими — эта система связей и обеспечивает стабильность системы, наблюдаемую в виде зависимости от траектории предшествующего развития. Фактически теория X и Y матриц отчасти восходит к типологии обществ К. Поппера и К. Маркса, уточняя и дополняя эти концепции в части перехода от интернального к эстернальному пониманию институционализма. То есть можно допустить, что самобытность общества протекает не только и не столько из внутренней организации базовых институтов, а из устоявшихся моделей взаимодействия между ними: кооперации, конфронтации, сепарации. Поскольку схема государственно-церковных, гражданско-военных, научно-образовательных или иных типов отношений «представляет собой результат длительного процесса эволюции институциональной структуры» (Simonov et al., 2022: 1824), она также является объектом выбора (часто неосознанного) в точках бифуркации. При этом последующие экономические или политические кризисы способны привести к переформатированию лишь отдельных структурных элементов матрицы, но при сохранении тех же моделей интеракции в социальной системе и возникает эффект инвариантности.

Важнейшим тезисом институционально-матричного подхода является идея о взаимосвязанности трех сфер социальных отношений в обеспечении целостности общества. Традиционно экономисты обращали внимание на согласованность триады «технологии — институты — культура» (Балацкий и Юревич, 2022: 39), однако суть предложенного понимания состоит в том, что между составляющими общество институтами также возможно и необходимо установление баланса. При этом X и Y матрицы построены на бинарных оппозициях. Так, экономическая подсистема может быть рыночной или редистрибутивной, государственно-политическое устройство — унитарным или федеративным, а идеология — субсидиарной или коммунитарной. Это деление, с точки зрения С. Г. Кирдиной-Чэндлер, обусловлено взаимосвязанными функциями означенных подсистем, однако если задачи экономики в ее теории четко определены как производственные, то разграничение политики и идеологии, исполняющих со-

ответственно функции общественной консолидации и интеграции, является несколько расплывчатым. Как следствие, в данное построение необходимо внести несколько поправок.

Во-первых, использование в этом ключе достаточно узкого понятия «идеология» не совсем рационально, и более точным было бы включение в структуру институциональной матрицы элемента «культура» в его ценностно-нормативном понимании. Во-вторых, функционал подсистем фактически может быть сведен к таким понятиям, как оптимальность, легитимность и инклюзивность. То есть для экономической модели важна не просто организация производства, а ее наилучший вариант с учетом целей, условий и доступных ресурсов. В свою очередь, политическая сфера должна обеспечивать стабильную управляемость общества, а культура — поддерживать систему ценностей в рамках решения задачи формирования коллективной идентичности. Соответственно при делении матриц на типы X и Y в экономической сфере существует выбор между стратегиями невмешательства (*laissez-faire*) и регулирования, в политике — между убеждением и принуждением, а в культуре — между толерантностью и инсularностью.

Помимо этого, при анализе взглядов С. Г. Кирдиной-Чэндлер можно заметить, что использованный ей принцип дихотомии несколько противоречит историческому опыту межкультурной коммуникации, так как складывание матриц часто происходило под воздействием политической и культурной гегемонии «великих держав» прошлого. Скажем, Россия в процессе цивилизационного становления и развития проходила фазы норманнизации, византизации, вестернизации, остернизации и т.д. Более того, даже в рамках каждой из этих тенденций наблюдались расхождения и противоречия: так, ориентация на Восток для России в разные столетия подразумевала заимствование опыта Монгольской или Османской империй, а попытки копирования Запада включали и франкофилию, и германофилию, и англomанию. Все эти общества отличались принципиально разными чертами политической и экономической организации, а их влияние отчетливо видно и сегодня даже в профессиональном лексиконе членов разных институтов. В качестве объяснения данного феномена автором теории был выдвинут тезис о возможности заимствования институциональных инноваций из стран с иным типом матрицы, так как это позволяет нивелировать собственные недостатки в сфере реагирования на внешние изменения. Так появляются комплементарные институты, составляющие не более трети матрицы, но без вклада которых в «целостность» социума его «кризис и стагнация» становятся более вероятными (Alexandrov & Kirdina-Chandler, 2013: 10–11).

Новый метанарратив

В качестве дополнения к этому подходу необходимо учесть, что помимо заимствования зарубежных достижений внутреннее усложнение матрицы может осуществляться и за счет механизмов гибридизации. Имеется в виду обращение к практике гибридных институциональных соглашений, т.е. структур промежуточного типа, часто имеющих неоптимальный характер, но спроектированных

с привлечением организационно-нормативных и символически-идеологических элементов ранее сложившихся в обществе институтов. Подобная гибридизация, как правило, позволяет не только внести корректировки в механизм функционирования матрицы, но и придать проводимым реформам традиционалистский вид для преодоления эффекта блокировки инноваций как консервативными элитами, так и пассивными массами. Гибридный сценарий отличается от описанного выше диффузионного тем, что не несет в себе рисков ксенофобии и не приводит к дополнительной фракционализации социума. Собственно, современные отечественные исследователи обратили внимание, что в XXI в. изменения в технологиях уже «привели к возникновению нового типа платформенных институтов», «комбинированных институтов» с помощью механизмов координации (Аузан, 2025: 265–266).

Хотя существует мнение, что теория матриц обладает ограниченной объяснительной силой, указанная особенность вполне может служить способом познания истоков культурной самобытности обществ. То есть сравнительная уникальность государств определяется не столько базовыми институтами, составляющими матрицу, сколько комплементарными, образованными путем слияния различных элементов базовых институтов в новые конструкты. Так в Западной Европе на стыке институтов церкви, армии и предпринимательства появились духовно-рыцарские ордена. В Российской империи одним из результатов гибридизации можно считать военные поселения XIX в. или особый режим «моральной экономики» в крестьянской среде, при котором традиции нравственности, религиозные нормы и обычное право играли немаловажную роль в процессах производства, распределения и обмена благ (Цветков, Ядгаров, 2025). Вероятно, самыми известными примерами подобных структурных объединений являются промышленные группы в странах Азии: «чеболи» в Южной Корее и «дзайбацу» в Японии. Однако на деле в XX столетии гибридизация применялась почти повсеместно — от «педологии» С.С. Моложавого и Л.С. Выготского, создания в СССР научных институтов и конструкторских бюро тюремного типа до современных концепций «социального предпринимательства», в которых «финансовая устойчивость и прибыльность определяются как условие реализации социальной миссии» (Васюнина, 2020: 186). В таком ключе институционально-матричный подход вполне может стать новым метанарративом.

Ж.-Ф. Лиотар полагал, что современное общество более не испытывает доверия к интеллектуальным построениям, направленным на объяснение социального развития в глобальном контексте, связывая прошлое, настоящее и будущее в едином повествовании. Тем не менее многие исследователи из различных областей гуманитарного знания по-прежнему опираются на некоторые метанарративы (например, марксизм) в качестве моделей для объяснения событий прошлого и настоящего либо пытаются сформулировать новые (как Д. Аджемоглу или Р. Инглхарт). Последние публикации на тему институциональных матриц позволяют утверждать, что имеет место расширение сфер приложения данного подхода — от библиотековедения и генерации знаний до объяснения международных

интеграционных процессов. В частности, по мнению С.Г. Кирдиной-Чэндлер, образование межгосударственных союзов является проявлением тенденции к институционализации «биполярных коалиций» стран, использующих один тип матрицы. Соответственно военно-политический блок НАТО и Евросоюз являются собой «стержень западной Y-коалиции», в то время как альянсы, подобные БРИКС или ШОС, призваны стать ядром «X-коалиции» (Кирдина-Чэндлер, 2022: 11).

В этой связи нельзя не отметить, что такого рода блоковые противостояния, как правило, редко могут избежать взаимной конвергенции между участниками, обусловленной копированием ими как научно-технологических, так и организационных достижений друг друга. Теория институциональных матриц предполагает, что такая диффузия носит ограниченный характер, не посягая на основы социального устройства, однако данное допущение вполне может быть оспорено. Необходимо понимать, что, хотя складывание X и Y матриц происходило в течение столетий, одним из возможных сценариев их длительного параллельного существования и взаимовлияния может стать кристаллизация некой Z-матрицы на основе промежуточных категорий предшествующих структур.

Заключение

На данный момент сложно точно предсказать, какие конкретно версии могут стать решениями вопросов обеспечения оптимальности, легитимности и инклюзивности в будущем. Тем не менее как общественно-политическая мысль прошлого, так и современные научные теории позволяют сделать некоторые предположения. Так, в культурно-идеологической сфере весьма вероятен выход за грань противопоставления интересов личности и группы, т.е. диады «коммунитарность — субсидиарность». Обоснованную критику эта схема встречала еще со стороны русских философов XIX в., использовавших в качестве альтернативы и индивидуализму, и коллективизму понятие «соборность» — комбинацию личной свободы и единства с сообществом. В XXI в. потенциально возможна дегуманизация этого вопроса, и в качестве ценностного ориентира могут быть актуализированы, например, «природа» или «техника». То есть в структуре перспективной Z-матрицы культурная подсистема может функционировать через понятия «экоцентризм» (или «биоцентризм») либо «техноцентризм». Например, если Ф.Г. Юнгер считал, что техника на определенном этапе развития цивилизации становится определяющим фактором социального развития, превращаясь в особый способ организации всех типов окружающих пространств, то для Х. Ролстона перед современной этикой должна стоять задача добиться общего признания самооценности природы.

Следуя той же логике, политическая подсистема может быть переустроена как конфедеративным, так и империалистическим образом — обе эти стратегии имеют шансы на реализацию в нынешних условиях турбулентности международных отношений. Наконец, альтернативой противопоставлению рыночной и редистрибутивной экономической подсистеме может стать практически любая из неортодоксальных моделей, известных к настоящему времени: «экономика

участия» М. Альберта, «ресурсо-ориентированная экономика» Ж. Фреско, «экономика счастья» и т.д.

Резюмируя, можно заключить, что институционально-матричный подход может не только объяснять причины культурно-исторической самобытности обществ, но, как метанарратив, способствовать формулировке какой-либо конечной цели общественного развития. Отличием от предшествующих аналогов является отсутствие ярко выраженного актора, с действиями которого связывается достижение этого аттрактора, так как его место занимает относительно обезличенная система — матрица. Несмотря на наличие недостатков, нельзя не признать перспективность этого подхода для познания социальных процессов прошлого и настоящего. При этом возможность появления Z-матрицы в XXI в. пока нельзя полностью исключать.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Аузан А. А. Провалы механизмов координации: институциональный подход // Журнал Новой экономической ассоциации. 2025. № 1. С. 261–272. https://doi.org/10.31737/22212264_2025_1_261-272

Балацкий Е. В., Юревич М. А. Эмпирическая проверка принципа согласованности // Форсайт. 2022. Т. 16. № 3. С. 35–48. <https://doi.org/10.17323/2500-2597.2022.3.35.48>

Васюнина М. Л. К вопросу о признаках социального предпринимательства: научная дискуссии и правовое регулирование // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. 2020. № 3. С. 182–189. <https://doi.org/10.38050/01300105202039>

Кирдина-Чэндлер С. Г. Однополярность, многополярность и биполярные коалиции. XXI век // Социологические исследования. 2022. № 10. С. 3–16. <https://doi.org/10.31857/S013216250022645-2>

Крючкова С. Е., Храпов С. А., Глазков А. П. Инновационная парадигма техногенной цивилизации: проблемы методологии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2023. Т. 27, № 1. С. 108–122. <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2023-27-1-108-122>

Цветков В. А., Ядгаров Я. С. Традиции доминирования нравственных оснований в российской политической экономике (вторая половина XIX — первая треть XX века). Финансы: теория и практика. 2025. Т. 29, № 6. С. 121–131. <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2025-29-6-121-131>

Acemoglu D., Robinson J. Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty. New-York: Crown Business, 2012. 529 p.

Alexandrov Yu. I., Kirdina S. G. Toward Integration of Social Mental and Institutional Models: Systematic Approach // Montenegrin Journal of Economics. 2013. Vol. 9, no. 1. P. 7–16.

Bhabha H. K. The Location of Culture. London: Routledge, 1994. 285 p.

Foucault M. Politics, Philosophy, Culture: Interviews and other writings, 1977–1984. London: Routledge, 1988. 330 p.

Jung C. G. *The Archetypes and the Collective Unconscious*. Princeton: Princeton University Press, 1981. 470 p.

Kirdina-Chandler S. G. Institutional Matrices Theory, or X- and Y-Theory: A Response to F. Gregory Hayden // *Journal of Economic Issues*. 2017. Vol. 51, no. 2. P. 476–485.

Leclerc de Buffon G.-L. *Histoire Naturelle, Générale et Particulière*. T. IX. Paris: Imprimerie Royale, 1750. 587 p.

Montesquieu C. *The Spirit of Laws*. Kitchener: Batoche Books, 2001. 726 p.

North D. C. *Structure and Change in Economic History*. New York: W.W. Norton & Company, 1981. 228 p.

Simonov K. V., Evgenyeva T. V., Babichev K. N. The Problem of the Development of Institutions of Interaction between the State and Business in the Russian Empire in the late XIX — early XX centuries // *Bylye Gody*. 2022. Vol. 17, no. 4. P. 1823–1830. <https://doi.org/10.13187/bg.2022.4.1823>

Soloviev S. M. *History of Russia*. Vol. 24. *Gulf Breeze: Academic International Press*, 1980. 281 p.

REFERENCES

Auzan, A. A. (2025). Coordination mechanisms failures: An institutional approach. *Journal of the New Economic Association*, 1, 261–272. (In Russ.). https://doi.org/10.31737/22212264_2025_1_261-272

Balackij, E. V., Yurevich, M. A. (2022). Consistency Principle: Theory and Empirical Evidence. *Foresight*, 16(3), 35–48. (In Russ.). <https://doi.org/10.17323/2500-2597.2022.3.35.48>

Vasyunina, M. L. (2020). Basic Determinants of Social Entrepreneurship: Scientific Discussion and Legal Framework. *Bulletin of Moscow University. Series 6: Economics*, 3, 182–189. (In Russ.). <https://doi.org/10.38050/01300105202039>

Kirdina-Chandler, S. G. (2022). Unipolarity, Multipolarity and Bipolar Coalitions. XXI Century. *Sociological Studies*, 10, 3–16. (In Russ.). <https://doi.org/10.31857/S013216250022645-2>

Kryuchkova, S. E., Hrapov, S. A., Glazkov, A. P. (2023). Innovative Paradigm of Technogenic Civilization: Problems of Methodology. *Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Philosophy*, 27(1), 108–122. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2023-27-1-108-122>

Tsvetkov, V. A. & Yadgarov, Ya. S. (2025). Traditions of Dominance of Moral Foundations in Russian Political Economy (Second Half of the XIX — First Third of the XX Century). *Finance: Theory and Practice*, 29(6), 121–131. (In Russ.). <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2025-29-6-121-131>

Acemoglu, D. & Robinson, J. (2012). *Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty*. New-York: Crown Business.

Alexandrov, Yu. I. & Kirdina, S. G. (2013). Toward Integration of Social Mental and Institutional Models: Systematic Approach. *Montenegrin Journal of Economics*, 9(1), 7–16.

Bhabha, H. K. (1994). *The Location of Culture*. London: Routledge.

- Foucault, M. (1988). *Politics, Philosophy, Culture: Interviews and other writings, 1977–1984*. London: Routledge.
- Jung, C. G. (1981). *The Archetypes and the Collective Unconscious*. Princeton: Princeton University Press.
- Kirdina-Chandler, S. G. (2017). Institutional Matrices Theory, or X- and Y-Theory: A Response to F. Gregory Hayden. *Journal of Economic Issues*, 51(2), 476–485. <https://doi.org/10.1080/00213624.2017.1321428>
- Leclerc de Buffon, G.-L. (1750). *Histoire Naturelle, Générale et Particulière*, t. IX. Paris: Imprimerie Royale.
- Montesquieu, C. (2001). *The Spirit of Laws*. Kitchener: Batoche Books.
- North, D. C. (1981). *Structure and Change in Economic History*. New York: W.W. Norton & Company.
- Simonov, K. V., Evgenyeva, T. V. & Babichev, K. N. (2022). The Problem of the Development of Institutions of Interaction between the State and Business in the Russian Empire in the late XIX — early XX centuries. *Bylye Gody*, 17(4), 1823–1830. doi:10.13187/bg.2022.4.1823
- Soloviev, S. M. (1980). *History of Russia*, vol. 24. *Gulf Breeze: Academic International Press*.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Андрей Александрович Иванов — д-р ист. наук, доцент кафедры гуманитарных наук Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Россия.

Andrey A. Ivanov — Dr. Sci. (History), Associate Professor at the Department of Humanities, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia.

Статья поступила в редакцию 14.03.2026;
одобрена после рецензирования 20.03.2026;
принята к публикации 28.04.2026.
The article was submitted 14.03.2026;
approved after reviewing 20.03.2026;
accepted for publication 28.04.2026.